

2006

Нужен ли «Закон о государственном языке»

Алексей Алексей

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Алексей, Алексей (2006) "Нужен ли «Закон о государственном языке»," *Russian Language Journal*: Vol. 56: Iss. 1, Article 11.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol56/iss1/11>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Нужен ли «Закон о государственном языке»

Алексей Шмелев

Цели «Закона о государственном языке» определены в его преамбуле, в которой говорится, что он «направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры». Однако представляется, что различные несуразности и нестыковки в тексте закона делают его неудобоприменимым и уж во всяком случае ни в коей мере не полезным для русской языковой культуры.

Основное недоумение, связанное с этим законом, заключается в том, что не вполне ясно, что имеется в виду, когда в тексте закона говорится о «нормах русского литературного языка»: русский литературный язык как таковой или «использование русского языка в качестве государственного» (формулировка закона). Такие формулировки, как «использования государственного языка Российской Федерации», «пользование государственным языком Российской Федерации» оказываются несколько двусмысленными. Действительно, в соответствии с Конституцией, государственным языком Российской Федерации, как об этом и говорится в пункте 1 статьи 1 «Закона», является русский язык. Можно было бы заключить, что выражения «использование государственного языка Российской Федерации», «пользование государственным языком Российской Федерации» равносильны выражениям «использование русского языка», «пользование русским языком». Но странно предполагать, что российские законы могут регулировать «право граждан Российской Федерации на пользование» русским языком за пределами Российской Федерации; да и многие ситуации использования русского языка на территории Российской Федерации (бытовые разговоры, частная переписка, художественное творчество) явно находятся вне компетенции законодателей. Тогда логично сделать вывод, что речь идет об особом режиме использования русского языка – о тех случаях, когда он используется именно в качестве государственного языка Российской Федерации: в тексте межгосударственных договоров, законодательных актов, в иных официальных документах. Именно «использование русского языка в

качестве государственного» (формулировка закона) может быть объектом правового регулирования.

Рассмотрим в связи с этим пункт 3 статьи 1: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации». Первая часть, по-видимому, допускает, чтобы в силу государственных соображений для текста государственных документов устанавливались нормы, несколько отличные от общелитературных норм (напр., писалось *в Украине* вместо общелитературной формы *на Украине*)? Однако вторая часть этого пункта, согласно которой правительство устанавливает также «правила русской орфографии и пунктуации», остается двусмысленной. Идет ли в тексте статьи речь о правилах орфографии и пунктуации, действующих исключительно при использовании русского языка «в качестве государственного языка Российской Федерации» (напр., предписывающих писать слово *правительство* с большой буквы, как в цитированном пункте статьи закона), или о правилах правописания как таковых, в том числе и регулирующих использование русского языка за пределами России?

Еще более расплывчата формулировка пункта 6 той же статьи, гласящая, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка». Отвлекаясь от стилистической шероховатости этой формулировки («при использовании... не допускается использование»), заметим, что она должна опираться на официальное решение о том, какие «слова и выражения» соответствуют «нормам современного русского литературного языка», а какие не соответствуют. Заметим, что ответ на этот вопрос во многих случаях далеко не очевиден. Оговорка, в соответствии с которой данный запрет не касается «иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке», также несколько туманна. Большинство комментаторов понимали ее так, что в ней идет речь об иноязычных заимствованиях. Но тогда непонятно, почему а priori предполагается, что они не соответствуют «нормам современного русского литературного языка».

Однако, если действие закона ограничивается «использованием русского языка в качестве государственного», его влияние на общую

языковую ситуацию в стране оказывается ничтожно малым. По здравой логике (и в соответствии с законом «О языках народов Российской Федерации»), использование государственного языка должно ограничиваться официальными документами, в которых и без того не встречается скверноматерная брань или жаргонные словечки, а «иностранные слова» используются только в случае отсутствия «общеупотребительного аналога». Но, поскольку закон был задуман как направленный на «защиту и развитие языковой культуры» в целом, то в закон включена статья 3, до предела расширяющая «сферы использования государственного языка».

В соответствии с этой статьей, русский язык подлежит обязательному использованию «во взаимоотношениях... организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений» (пункт 6), «при... нанесении надписей на дорожные знаки» (пункт 7), «в рекламе» (пункт 10). Если всерьез руководствоваться этой статьей закона, придется изменять некоторые дорожные знаки, напр. знак с надписью «STOP», означающий «движение без остановки запрещено», или знак с надписью «DANGER», предупреждающий об опасности и запрещающий дальнейшее движение; могут возникнуть трудности с обслуживанием иностранцев в ресторанах, гостинцах, представительствах авиакомпаний; непонятно, как быть с рекламой, адресованной иностранным клиентам.

Особенное недоумение вызывает пункт 9, предписывающий использование государственного языка «в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий». Само слово «деятельность» довольно туманно – по-видимому, речь идет о том, что российские теле- и радиокomпании должны вести вещание на русском языке; также на русском языке должны издаваться российские периодические печатные издания. Но, кроме того, под угрозой оказываются многие научные печатные издания, печатающие статьи иностранных коллег без перевода (да и русские ученые иногда пишут статьи по-английски, понимая, что это дает статье больше шансов быть замеченной мировым научным сообществом). Помимо этого, во многих научных журналах принято, чтобы статью, написанную по-русски, сопровождала аннотация на английском языке. Оговорки, которые сделаны в данном пункте не меняют дела. В нем указано, что данное предписание не касается деятельности организаций,

учрежденных специально для осуществления телерадиовещания или издания печатной продукции на других языках, а также случаев, когда «использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла». Очевидно, что ни та, ни другая оговорка не охватывает большинства научных периодических изданий.

Правда во второй части данной статьи сделана еще одна оговорка: наряду с русским языком во всех указанных «сферах использования государственного языка» допускается использование и других языков, но при этом, «если иное не установлено законодательством Российской Федерации», тексты «должны быть идентичными по содержанию и техническому оформлению» текстам на русском языке; равным образом и звуковая информация «должна быть идентичной по содержанию, звучанию и способам передачи» звуковой информации на русском языке. Но опять-таки эта оговорка не позволяет печатать научную статью и сопровождать ее английской аннотацией (содержание не будет строго идентичным) или показывать по телевидению иностранный фильм с русскими субтитрами (звуковой информации на иностранном языке будет соответствовать русский письменный текст). Представляется, что единственный выход из создавшейся тупиковой ситуации – законодательно «установить иное».

Впрочем, как это бывает с российскими законами, непродуманность ряда положений здесь смягчается тем, что за их нарушение не предусмотрены неотвратимые санкции. Хотя в законе содержится статья 6 об «ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации», эта статья ограничивается указанием на то, что нарушение закона «влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации». Однако на данный момент законы не предусматривают уголовного преследования или хотя бы административной ответственности за печатание в научных периодических изданиях английских аннотаций или готовность обслужить клиента на его родном языке.

Расплывчатость и неудобоприменимость формулировок закона в значительной мере вызвана тем, что требование пользоваться государственным языком (в рекламе, средствах массовой информации и т. д.) может пониматься двояким образом. С одной стороны, оно направлено на то, чтобы поставить барьер «порче языка»: неграмотным написаниям, нелитературным грамматическим формам, неоправданному

употреблению жаргонных и просторечных слов и выражений, иноязычных заимствований. С другой стороны, требование пользоваться государственным языком может пониматься как ограничение на использование других (в частности, иностранных) языков. При этом сформулировать критерии «оправданности» или «неоправданности» отклонений от «норм литературного языка», равно как и определить эти нормы в спорных случаях весьма непросто, так что скорее всего закон в этом отношении обречен на бездействие.

Статья 4 «Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации» содержит в основном благонамеренные декларации, от которых особого вреда нет, но и пользы, пожалуй, немного. В ней речь уже идет не только об использовании русского языка в качестве государственного, но и о необходимости поддержки русского языка как такового, безотносительно к сфере его применения. Статья 5 «Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации», по-видимому, направлена на возможность пользоваться русским языком во всех регионах Российской Федерации, в том числе и тех, в которых компактно проживают носители иных языков. Для нее нерелевантными оказываются представления о норме и отклонениях от неё: под государственным языком понимается русский язык как таковой, безотносительно к следованию литературному стандарту.

В целом пока влияние закона на языковую ситуацию в России минимально. Значительно более значимой может оказаться просветительская работа, проводимая лингвистами: рубрики и передачи, посвященные русскому языку, в средствах массовой информации, службы русского языка и консультации экспертов, помогающие выбрать правильный и подходящий к случаю способ выражения. Роль государства могла бы состоять в финансовой и иной поддержке такой деятельности – тем более что это прямо бы проводило в жизнь статью 4 «Закона».